

«ИДИ ДАВАЙ, ГОВОРЯТ, ПОКА МЫ ТЕБЯ НЕ УБИЛИ»

В четверг боевики при посредничестве бывшего президента Ингушетии Руслана Аушева освободили 26 человек — женщин с детьми до 2 лет. Маленькие дети часто плакали, и боевиков это сильно раздражало. Все освобожденные были измождены и находились в шоковом состоянии. Тем не менее одна из освобожденных женщин нашла в себе силы рассказать корреспонденту «Известий» о том, что происходило в спортзале школы № 1 города Беслана, где до вчерашнего дня боевики удерживали сотни заложников.

ВАДИМ РЕЧКАЛОВ | Беслан

«ОНИ ЗАБРАЛИ МОЛОДЫХ МУЖЧИН...»

Мы не можем назвать ее имя: террористы разрешили ей взять с собой только одного ребенка, второй до сих пор остается в заложниках. Разговор получился обрывочным и коротким — грудного ребенка этой женщины только что испутили, и его срочно нужно было нести домой.

— Меня выпускали через окно, — говорит женщина. — Я прошу их: давайте я выйду, отдам своего ребенка родным и сама вернусь обратно и останусь со вторым. Я их столько просила, нет, не отпустили. Иди давай, говорят, иди, пока мы тебя не убили.

Неофициальная информация о том, что среди заложников находятся женщины с грудными детьми, появилась сразу после захвата. Люди просто подходили к журналистам и сами об этом рассказывали. Это был один из самых первых слухов — и вот настал день, когда слухи начали подтверждаться.

— Говорили: выполняйте наши требования, и вам ничего не будет, — продолжает моя собеседница. — Есть не давали. Молодых мужчин отделили от женщин и детей, оставили с нами четырех пенсионеров. А что сделали с молодыми, я не знаю. Было там два брата, одного из них заставили труп скидывать в окно, и он выпрыгнул за одним трупом со второго этажа и бежал.

Неофициальная информация об этом человеке появилась у нас еще днем 1 сентября. Он лежит в больнице со сломанной ногой. Выпрыгнуть ему удалось, потому что боевик отвлекся на перезарядку автомата. Мы узнали об этом от его родственников, которых в тот день пустили к нему в больницу. «Он сказал нам, что выпрыгнул в окно, потому что боевики кого-то убили и заставили его выкинуть труп, — рассказали нам родственники. — Терять ему было нечего, он прыгнул и как-то успел скрыться за гаражами». И вот теперь эта информация подтвердилась из другого источника.

Нам известны имена и фамилии только двух убитых террористами мужчин. Это Руслан Фраев, 68-го года рождения, он погиб в самом начале захвата, когда пытался унести из школы свою дочь — первоклассницу. Второй — Руслан Гапов, 72-го года рождения. Он, по нашей информации, изначально не был среди заложников. Но Руслан живет рядом со школой, он выбежал из дома и попытался вмешаться в происходящее. Квартира Гапова находится сейчас в зоне оцепления. Местонахождение его эвакуированных родственников неизвестно.

«ЗДЕСЬ ЭТО СЧИТАЕТСЯ ДОСТОЙНЫМ СТИЛЕМ ПОВЕДЕНИЯ...»

В 50-тысячном Беслане нет ни одного уголка, оторванного от событий в первой школе. На улицах, в кафе, в магазинах люди говорят только о захвате заложников. А те, кто не говорит, думают об этом. Это написано на лицах людей. В городском Доме культуры и вокруг него сотни мужчин и женщин, молодых и стариков. Выражение «беда накрыла город» здесь не кажется метафорой. Люди ведут себя спокойно. И это спокойствие выглядит жутким, когда в который раз вспоминаешь, что дети и внуки этих людей находятся в руках вооруженных бандитов.

— Это местный тип характера, — сказал «Известиям» профессор-психолог Зураб Кикелидзе, приехавший сюда из Москвы из Института имени Сербского, чтобы оказывать психологическую помощь пострадавшим и их родственникам. — Вот они такие. Когда мы оказывали психологическую помощь в Якутии родителям погибших во время пожара 22 детей, там люди выглядели более подавленными: ни слова, ни звука, муха пролетит — услышишь. А здесь

на этом наш разговор обрывается. Родственники спасенной сажают ее в машину, отгоняют меня с нескрываемым раздражением и уезжают. Радоваться спасению женщины они до конца не могут. В школе осталась еще один ребенок из их семьи.

Число заложников — одна из основных тем, которую обсуждают люди, собравшиеся в Доме культуры и возле него. Официальная цифра — 354 человека.

— Не может такого быть, — сказала мне одна из женщин, у которой в захваченной школе находятся двое детей. — По списку в школе 860 учащихся. Неужто хотя бы половина из них не пришла на линейку первого сентября? А ведь еще родители. Да вы посмотрите вокруг. Здесь только у ДК тысяча человек, и у всех там кто-нибудь есть. Мне кажется, что заложников не менее 500. Как они только помещаются в этом спортзале!

«ДЗАПАРОВА АЛИНА, 2 ГОДА 6 МЕСЯЦЕВ, С МАМОЙ...»

На служебном входе в клиническую больницу Беслана вывесили список освобожденных 2 сентября. Возле списка плотным колым стоят люди. Вот его содержание:

1. Ходова Зимфира Сергеевна, дочь Дана.
2. Семихов Аззамат, 2002 года рождения, с матерью.
3. Цкаева Алена, 2004 года рождения, 5 месяцев, без родителей.
4. Кокаева Илина с матерью.
5. Дзандарова Золина.
6. Дударов Умар, 2002 года рождения.
7. Дуганова Елена, 2003 года рождения, с мамой.
8. Кудзаева Мадина, 2002 года рождения, с мамой.
9. Левина Залина, 2000 года рождения, с мамой.
10. Сулейманова Алина, 2004 года рождения, с мамой.
11. Дзапарова Алина, 2 года 6 месяцев, с мамой.

Едва я успеваю начитать на диктофон все фамилии, охранник снимает список. Люди возмущаются.

— Зачем снимаешь? — спрашивает мужчина.

— Перевешу в другое место, чтобы журналисты не увидели, — отвечает охранник. — Их велели сюда не пускать.

«КОГДА ВСЕ ЗАКОНЧИТСЯ, Я СВОЕГО СЫНА ОТ СЕБЯ НЕ ОТПУЩУ!»

В четверг уже к концу дня террористы, захватившие школу в Беслане, стали выпускать женщин с грудными детьми, а также детей до 2 лет. 26 заложников были выпущены без всяких требований. В этом их смог убедить экс-президент Ингушетии Руслан Аушев. Нынешний президент республики Мурат Зязиков так и не вышел на связь с Северной Осетией и не приехал в Беслан, как того требовали террористы.

Толпа у оцепления недалеко от школы № 1 в Беслане расстужается — мужчина средних лет, бережно прижимая к сердцу, выносит малюсенькую девочку. Трехлетнее создание в розовых трусиках, завернутое в полотенце, сжимает в кулачке кусочек печенки и прижимается к отцу. «Божь мой, она ничего не сказала, она такая бледная, вся потная, — запричитали женщины. — Это Мадина Гаджинова, ее мать — учительница этой школы». Через секунду они понимают, что спрашивать отпа о том, что происходит в спортзале школы, бессмысленно — он ничего не знает, и сейчас для него главное — довести дочь до больницы.

Туда сейчас не пускают посторонних, в том числе и журналистов. Врачам и пострадавшим сейчас не до шумихи и ненужного пиара. На помощь в Беслан прибыли врачи из Москвы и Владикавказа.

«Почему дети голые?» — спрашивают друг друга женщины. И сами же отвечают: «Там или так жарко, или их всех раздели догола». Их глаза наполняются слезами — каждая вспоминает о своих детях, мужьях, друзьях, которые вот уже вторые сутки сидят в спортзале школы. «Почему власти скрывают количество заложников?» — недоумевают они. Сложите 3 первых класса — у вас уже получится 200 человек. Может, выстает хотя бы всех инсулиновых? (Среди заложников есть диабетики, которым требуется ежедневная инъекция инсулина, чтобы не допустить опасного повышения уровня сахара в крови.) «Только бы они были еще живы», — твердят они и напряженно всматриваются в простреливаемую зону оцепления.

Террористы до сих пор не разрешили пронести в зал еду и напитки. Не решен и вопрос с выносом трупов. А одну отпущенную женщину, которая вернулась за вторым ребенком, обратно уже не выпустили. У заложников есть только кран с водой в туалете школьного спортзала. Накануне была информация о том, что вода в городе может быть отравлена, но проведенный анализ показал, что все нормально.

А почему там оказались такие маленькие дети? «1 сентября почему-то не работали все детские сады в Беслане, вот всем и пришлось взять детей с собой», — говорит одна женщина. «Понятно, почему они не работа-

ют? Смотрите сколько людей вокруг. И у каждого горе. Но по многим этого не заметно. Вот такое поведение считается здесь правильным. Так здесь выглядит достойный стиль.

Справа от Дома культуры памятник жителям города, погибшим в Великой Отечественной войне. Измотанные ожиданием и бессонницей родственники заложников присаживаются в тени у его подножия, под высеченными на камне списками погибших солдат. 355 фамилий. Осетинских, русских, еврейских, греческих.

Люди сидят и в зрительном зале Дома культуры. Время от времени к ним сюда приходят представители власти, чтобы доложить обстановку. В ожидании новостей люди засыпают в креслах. И это тоже страшная картина. Потому что она очень напоминает зрительный зал ДК на Дубровке. Те кадры, которые снимали боевики. Только теперь в зале нет террористов, но это ничего не меняет. В ночь на 2 сентября к людям приходили депутаты республиканского парламента Станислав Кисаев и Азамат Хадиков. Они сказали, что террористы требовали к себе Леонида Рошаля, Мурата Зязикова и Александра Дзасохова. Депутаты сказали, что это требование отклонено властями, потому что всех троих могут уложить одной очередью и никакого толка от этого не будет.

— Это требование власти выполнить не могут, — сказал Станислав Кисаев.

— Ну почему же его не выполнить, — громко и спокойно сказала одна из женщин в зале, — если это их единственное требование.

После того как стало известно о 26 освобожденных женщинах и детях, обстановка на площади перед ДК накалилась. Люди стояли плотной толпой, плечом к плечу. Ждали официального объявления. На крыльцо вышел пресс-секретарь президента республики Лев Дзугаев и сказал: — 26 человек отпущены. Это женщины и дети. Благодаря переговорному процессу, который вели члены штаба с участием Руслана Аушева.

— Иес! — крикнул кто-то из толпы.

УМАРОВУ НУЖЕН СВОЙ БУДЕННОВСК

Власти объявили о том, что собирается воздействовать на террористов через их родственников в Чечне, которых сейчас как раз ищут. По неподтвержденной информации, полученной от источников в силовых структурах и от спасшихся свидетелей нападения, командовать террористами в Беслане может 40-летний Доку Умаров, один из самых влиятельных в Чечне бандитов, бывший секретарь совета безопасности так называемой Ичкерии, организатор многочисленных подрывов бронетехники, похититель людей. Если Доку Умаров действительно в Беслане, то террористы вряд ли являются смертниками. Это просто психологически не выжестся с личностью Умарова. Имя Умарова стало регулярно упоминаться в официальных сводках не более года назад. До этого о нем не знали даже многие журналисты, работающие на Северном Кавказе. Преступную деятельность Доку Умаров начал в 17 лет. Тогда он угодил в грозненский следственный изолятор за неосторожное убийство. Корреспондент «Известий» разговаривал с одним из тогдашних сокамерников Умарова.

— Умарова подняли к нам во взрослую камеру, когда ему исполнилось 18, — рассказал наш собеседник. — Тогда в СИЗО кто только не сидел — и чеченцы, и русские, и евреи. Так вот Умаров тут же начал доказывать до одного грузина. Я сделал Умарову замечание — я был старше всех и следил за порядком в камере. Умаров был очень недоволен, что я встал. А делать-то в камере нечего. Я постоянно физподготовкой занимался — отжимался, приседал. Умаров, глядя на меня, тоже начал тренироваться. Я отжимался 100 раз, он только 70. Я приседал тысячу раз — он 500. А когда я отжался стоя на руках, Умаров вообще не смог этого повторить. Я бы смог пойти с ним на переговоры, во всяком случае, в камере он меня слушался.

«КОГДА ВСЕ ЗАКОНЧИТСЯ, Я СВОЕГО СЫНА ОТ СЕБЯ НЕ ОТПУЩУ!»

НАТАЛЬЯ РАТИАНИ | Беслан

В четверг уже к концу дня террористы, захватившие школу в Беслане, стали выпускать женщин с грудными детьми, а также детей до 2 лет. 26 заложников были выпущены без всяких требований. В этом их смог убедить экс-президент Ингушетии Руслан Аушев. Нынешний президент республики Мурат Зязиков так и не вышел на связь с Северной Осетией и не приехал в Беслан, как того требовали террористы.

Толпа у оцепления недалеко от школы № 1 в Беслане расстужается — мужчина средних лет, бережно прижимая к сердцу, выносит малюсенькую девочку. Трехлетнее создание в розовых трусиках, завернутое в полотенце, сжимает в кулачке кусочек печенки и прижимается к отцу. «Божь мой, она ничего не сказала, она такая бледная, вся потная, — запричитали женщины. — Это Мадина Гаджинова, ее мать — учительница этой школы». Через секунду они понимают, что спрашивать отпа о том, что происходит в спортзале школы, бессмысленно — он ничего не знает, и сейчас для него главное — довести дочь до больницы.

Туда сейчас не пускают посторонних, в том числе и журналистов. Врачам и пострадавшим сейчас не до шумихи и ненужного пиара. На помощь в Беслан прибыли врачи из Москвы и Владикавказа.

«Почему дети голые?» — спрашивают друг друга женщины. И сами же отвечают: «Там или так жарко, или их всех раздели догола». Их глаза наполняются слезами — каждая вспоминает о своих детях, мужьях, друзьях, которые вот уже вторые сутки сидят в спортзале школы. «Почему власти скрывают количество заложников?» — недоумевают они. Сложите 3 первых класса — у вас уже получится 200 человек. Может, выстает хотя бы всех инсулиновых? (Среди заложников есть диабетики, которым требуется ежедневная инъекция инсулина, чтобы не допустить опасного повышения уровня сахара в крови.) «Только бы они были еще живы», — твердят они и напряженно всматриваются в простреливаемую зону оцепления.

Террористы до сих пор не разрешили пронести в зал еду и напитки. Не решен и вопрос с выносом трупов. А одну отпущенную женщину, которая вернулась за вторым ребенком, обратно уже не выпустили. У заложников есть только кран с водой в туалете школьного спортзала. Накануне была информация о том, что вода в городе может быть отравлена, но проведенный анализ показал, что все нормально.

ли — газа не дали», — отвечает ее подруга, у которой в этой школе дети. «А почему газа не дали?» — спрашиваю. «А что, непонятно, почему газа не дали? Потому что мы в России живем», — отвечают они уже хором.

В зоне оцепления выстраиваются машины «скорой помощи» и подвезают дополнительные бэтээры с военными. «Зачем это?» — спрашивают в толпе. — Чтобы быстрее всех довести до больницы? БТР — это не для штурма, его не будет, объясняют собравшимся милиция и военные.

— Когда все закончится, я своего сына больше на работу не пушу, — говорит одна из собравшихся.

— Он учитель?

— Нет. Он милиционер...

— Вы знаете, — обращаются люди к журналистам, — говорят, что всех мужчин уже убили...

Журналисты не знают.

В четверг к координационному штабу в Беслане пришла женщина-чеченка с тремя детьми. Ее муж — один из террористов, утверждает она. «Я пойду туда со своими детьми. Поймите, для них нет ничего святого...»

С утра и днем, до того, как Аушеву удалось договориться о том, чтобы стали отпущать заложников, время от времени в районе школы слышались одиночные выстрелы и целые автоматные очереди. Женщины начинали плакать, мужчины мрачнели: «Они же не просто так стреляют. По характеру выстрелов понятно, что они или добивают умирающих раненых, или стреляют на поражение по тем, кто пытается убежать».

С наступлением вечера стал, как и накануне, накапливать дождик. Люди, которые понемножку начали расходиться, останавливались и вздрагивали от раскатов грома. Официальные лица осторожно заговорили об определенной активизации переговорного процесса. Генералу Аушеву, в свое время подозревавшемуся в связи с чеченцами (в первую и вторую чеченские войны) и фактически вынужденно ушедшему с поста президента Ингушетии, удалось сдвинуть процесс с мертвой точки. О нем говорили и представители власти, и люди из толпы. Эти последние потом перестраивали: «А он кто, этот Аушев?» — «Бывший президент Ингушетии». — «Так просили же приехать Зязикова!» Но бывший кадровый спецслужбист так и не смог выйти на связь.

«Хотя», — вспоминает женщина — мать милиционера, — наши, точно помню, выражали ему соболезнования в связи с тем, что произошло у них в Ингушетии в июне. Зязиков, как говорят те, кто пытался все эти два дня с ним связаться, даже этого не сделал. Хотя все лидеры российских регионов и кавказских государств звонили и предлагали помощь».

